жем — претенциозных, стилизаторских, безвкусных. В традиционности не было подражательности, в слабой художественности — антихудожественности. И самое главное: все было проникнуто единством стиля. Народное искусство начала XX в. еще носило более или менее прикладной характер, и оно подчиняло себе весь строй жизни, быта, труда. Все в основном делалось на месте и подчинялось одному художественному чутью, единой художественной воле. При этом в народном искусстве обнаруживалась глубокая сопротивляемость чуждым ему стилям. Вглядываясь в произведение народного искусства, тем не менее легко обнаружить в нем отдельные мотивы, перенесенные в него из городского ампира, классицизма или барокко. Нет никаких оснований преуменьшать воздействие на народное искусство искусства господствующих классов. В праздничных одеждах далматинских крестьянок легко узнать пышные наряды венецианских горожанок эпохи Возрождения. Но, проникая в народное творчество на уровне тем, мотивов, сюжетов и пр., искусство господствующих классов неизменно подчинялось народному художественному стилю и народным воззрениям на действительность.

В чем же заключается активная сила народных стилей и так называемых великих стилей, стилей эпохи? Объяснение, как мне думается, лежит не только в эстетической высоте этих стилей (имеющей реальное объяснение), но и в самой природе стилеформирующих тенденций.

В любом стиле главное — его цельность. Стиль — всегда единство, в статических искусствах позволяющее зрителю участвовать в «сотворчестве» с творцом, а в динамических (литературе, музыке и пр.) — предугадывать или «предчувствовать» то, что произойдет: развитие произведения.

Стиль облегчает восприятие художественного произведения, создавая некие повторяющиеся, общие для него и для других произведений элементы. Повторяющиеся элементы делают форму произведения «легкой» и незатруднительной. Стиль в этом отношении близок к ритму. Он позволяет «предугадывать» форму произведения. В своей функции ритм есть в какой-то мере элементарное явление стиля. Ритм позволяет «обрадоваться» новому слову или новой словесной группе как чему-то знакомому, укладывающемуся в известный ряд, как бы предчувствуемому. «Предчувствие» развития играет огромную роль в восприятии динамических искусств, но в сущности все искусства развертываются перед воспринимающими их во времени, так как созерцание произведения искусства (живописи, скульптуры, зодчества) есть также движение — движение в глубь произведения, временное его эстетическое постижение. Акт восприятия всегда развертывается во времени.

В восприятии произведения искусства всегда известную трудность представляет начальный момент этого восприятия, когда воспринимающий должен найти к нему «стилистический ключ».